Проблематизация миграции в «текстах власти» как дискурсивная основа региональной миграционной политики (на примере Красноярска)

Рекомендация для цитирования:
Тимошкин Д. О., Зборовицкая Н. Н., Хуснуллина Р. Е., Саморядова Я. И., Редько О. Ю., Скроботова Я. А. (2024) Проблематизация миграции в «текстах власти» как дискурсивная основа региональной миграционной политики (на примере Красноярска). *Социологиявласти*, 36(1): 118-145. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-118-145

For citations:
Timoshkin D. O., Zborovitskaia N. N., Husnullina R. E., Samoryadova Ya.I., Redko O.Yu., Skorobotova Ya.A. (2024) Problematization of Migration in the "Texts of Power" As a Discursive Basis of Regional Migration Policy (on the Example of Krasnoyarsk). *Sociology of Power*, 36 (1): 118-145. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-1-118-145

Поступила в редакцию: 20.01.2024; прошла рецензирование: 11.03.2024; принята в печать: 14.03.2024
Received: 20.01.2024; Revised: 11.03.2024; Accepted for publication: 14.03.2024

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Copyright: © 2024 by the authors.

Дмитрий О. Тимошкин

Иркутский государственный университет, Иркутск; Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5478-0469

Настасья Н. Зборовицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

Регина Е. Хуснуллина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Яна И. Саморядова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Олеся Ю. Редько

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Ярослава А. Скроботова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10075 (https://rscf.ru/project/22-78-10075/)
Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-78-10075 (https://rscf.ru/project/22-78-10075 /)

Резюме:
В статье изложены результаты анализа представлений о мигрантах и миграции в пресс-релизах и нормативных документах региональных органов власти. Эти тексты рассматривались в рамках "мягкого" конструкционалистского подхода, как инструмент проблематизации социального процесса и один из ключевых способов производства дискурса власти. Цель исследования заключалась в том, чтобы, используя комбинацию количественного контент-анализа и дискурс-анализа, выявить "цепочки эквивалентности", связывающие в этих текстах узловой знак "миграция" с теми или иными смыслами. Задачи исследования состояли в том, чтобы, собрав релевантный теме текстовый массив, определить социальный контекст, в который помещается мигрант: пространства, в которых он присутствует, действия, субъектом и объектом которых он является. В большинстве из 548 рассмотренных текстов мигрант представлен как подозрительный обезличенный объект. Самой обширной категорией социальных действий, в которых он выступает субъектом, являются правонарушения, преимущественно связанные с нарушением режима пребывания в РФ. Наиболее частым действием, совершаемым в отношении мигранта, становятся проверки и рейды, а также — разного рода наказания. Ключевым субъектом действия в отношении мигранта в региональных текстах власти являются силовые структуры, причем чаще не управление МВД по вопросам миграции, а управление по обеспечению общественного порядка, прокуратура и суды. В статье выдвигается гипотеза, согласно которой "тексты власти" используются государственными ведомствами одновременно как механизм проблематизации миграции и как способ поддержания общественного внимания к ней. Монополизировавшие проблему государственные структуры используют их, чтобы помещать миграцию в дискурс секьюритизации, "продавая" общественному мнению единственный доступный им способ решения — насилие.

Ключевые слова: миграция, Красноярск, дискурс власти, производство социальных проблем, массмедиа

Problematization of Migration in the "Texts of Power" As a Discursive Basis of Regional Migration Policy (on the Example of Krasnoyarsk)

Dmitry O. Timoshkin

Irkutsk State University, Irkurtsk; Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5478-0469

Nastasia N. Zborovitskaia

Irkutsk State University, Irkurtsk, Russian Federation

Regina E. Husnullina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Yana I. Samoryadova
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Olesya Yu. Redko
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Yaroslava A. Skorobotova
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract
The article presents the results of an analysis of perceptions of migrants in press releases and regulatory documents of law enforcement and civil government agencies. We considered these texts within the framework of a "soft" constructionist approach, as a tool for problematizing the social process and one of the key ways of producing the discourse of power. The purpose of the study was to use a combination of quantitative content analysis and discourse analysis to identify the "equivalence chains" that give meanings to the nodal sign "migration" in the texts of power. The objectives of the study were to collect a text array relevant to the topic and determine the social context in which the migrant is placed: the spaces in which they are present, the actions of which they are the subject and object. In most of the 548 texts reviewed, the migrant is presented as a suspicious, impersonal object of state paternalism. The most extensive category of social actions in which a migrant acts as a subject are crimes, mainly related to violation of the regime of stay in the Russian Federation. The most common actions committed against a migrant are inspections and raids, as well as various kinds of punishment. The subject of action against a migrant in regional government texts is not the Main Directorate for Migration Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, but the Main Directorate for Public Order Maintenance, the Prosecutor's Office of the Russian Federation, and the courts. The article proposes a hypothesis according to which law enforcement agencies use press releases simultaneously as a way to problematize migration and maintain public attention to it. Having monopolized the problem, the Ministry of Internal Affairs, the Prosecutor's Office, and the courts use it to repeatedly "sell" this issue to the public through the only tool available to them - symbolic and physical violence.

Keywords: migration, Krasnoyarsk, discourse of power, production of social problems, mass media

Трансграничная миграция является неизменной частью медийной «повестки дня» [McCombs, Shaw 1972] в России: здесь ежегодно создаются тысячи посвященных ей публицистических текстов [Мукомель 2012]. Представления о миграции в медиа являются объектом постоянного исследовательского интереса. При этом в качестве ключевого формирующего их актора рассматриваются чаще традиционные СМИ, где контент создается профессиональными журналистами.

Образы мигранта в профессиональной публицистике подробно описаны: они мало меняются с течением времени, переходя из традиционных в новые медиа и даже в академические тексты [Мукомель 2005; Дятлов 2010; Зверева 2014; Варганова 2016; Ивлева, Тавровский 2019]. Частью медийной повестки нередко становятся образы, формирующие представления принимающего сообщества о мигранте как об опасном и «грязном», используя терминологию М. Дуглас, человеке [Дуглас 2000]. В них можно увидеть отражения описанных еще Г. Зиммелем [Зиммель 2008] страхов и надежд принимающей группы в отношении «чужаков». Переступая границы «воображаемых сообществ», чужаки одновременно утверждают и подвергают сомнению целостность принимающей «мы-группы». Алармистские образы в СМИ можно считать одним из последствий коллективной рефлексии этих процессов [Ивлева, Тавровский 2019].

Отвечая на вопрос о других возможных источниках негативных образов мигранта, нельзя не вспомнить об огромном влиянии государства на массмедиа в современной России. Оно контролирует медиарынок, особенно на региональном уровне, как через прямое принуждение [Панкеев, Тимофеев 2020], так и используя финансовые рычаги [Довбыш 2023]. Так, например, государственные ведомства платят региональным СМИ за «информационное сопровождение» их деятельности. Под этим подразумевается посещение журналистами мероприятий спонсора и публикацию отчетов о них, размещение оговоренного количества обработанных пресс-релизов и так далее. Для некоторых региональных изданий такие контракты являются одним из основных средств существования, при этом они могут подразумевать негласный запрет на публикацию любых сообщений, выставляющих ведомство-спонсор в негативном свете.

Конечно, государство нельзя назвать единственным актором в процессе производства повестки дня. Дискурс власти должен в той или иной степени опираться на уже существующий конвенциональный политический миф [Эллюль 2023]. И такой миф, если говорить о мигрантах, десятилетиями присутствует в российском общественном мнении, хоть и несколько меняется в позитивную сторону [Дятлов 2009, 2014; Аршин 2021]. Схожую позицию высказывали даже представители основной контролирующей структуры — управления МВД по вопросам миграции. В 2021 году официальные спикеры ведомства заявили, что криминализация миграции — миф, за распространение которого несут ответственность СМИ-иноагенты[1]. Тем не менее исследования всероссийских опросов общественного мнения пока-

1 МВД заявило о криминализации образа мигрантов СМИ-иноагентами. *Коммерсантъ*, URL: https://www.kommersant.ru/doc/5008642

зывают, что в целом население РФ все еще боится мигрантов и не доверяет им, хотя отношение становится все более терпимым[1].

Предметом нашего исследования стал обширный текстовый массив, который, за редкими исключениями [Григорьева 2021: 69], оказывается вне поля зрения исследователей миграции — сообщения ведомственных пресс-служб и пояснительные записки к нормативным документам. Эти тексты можно назвать одним из основных каналов, с помощью которых государство «говорит» с подотчетным населением. Это формализованные, ритуализированные [Bogdanov 2009: 182] высказывания, в которых отражается позиция коллективного актора — государственного института — относительно сути подведомственного объекта и мер, которые по отношению к нему необходимо применять. Стилистическая специфика и содержательная пустота многих пресс-релизов делают их, возможно, одним из самых нечитаемых типов текста. Впрочем, это не исключает их масштабного влияния на «повестку дня», особенно принимая во внимание специфику взаимодействия государства и СМИ в России.

Попадая после обработки журналистами в ежедневную ленту новостей, пресс-релизы не только делают те или иные события частью реальности воспринимающей их аудитории [McCombs 2004], но и становятся важным инструментом легитимации действий государства, доказательством его эффективности [Водак 2016]. Их можно назвать «текстами власти» как из-за происхождения, так и из-за воздействия на «повестку дня» [Дейк 2013: 126]: они буквально создают коллективные представления о событиях и группах, помещая их в контекст актуального политического мифа [Ласвелл 2006]. Несмотря на обилие исследований репрезентаций миграционных процессов в массмедиа [Великая 2020], «тексты власти» довольно редко становятся их предметом. В некоторых случаях авторы анализируют создаваемые государством дискурсы о миграции, однако рассматривают их преимущественно на материале ретранслированных профессиональными СМИ публичных выступлений политиков и чиновников федерального уровня [Даве 2013: 108].

Наша цель заключалась в том, чтобы определить, как трансграничные мигранты представлены в пресс-релизах и нормативных документах, создаваемых региональными органами власти. В качестве примера мы решили взять Красноярск, в силу более высокой интенсивности (в сравнении с другими сибирскими регионами) миграционных потоков[2]. Предполагалось найти и проанализировать релевантные теме тексты, создаваемые пресс-службами контролирующих

1 Ксенофобия и мигранты. URL: https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/ (материал произведен иностранным агентом)

2 Миграция населения в регионах Енисейской Сибири. URL: https://24.rosstat.gov.ru/news/document/210956

миграцию государственных организаций, муниципальных органов власти. Массив отбирался на официальных цифровых площадках (сайтах, группах во «ВК», каналах в мессенджерах) региональных УМВД, УФСБ, прокуратуры, правительства, городской администрации) по ключевым словам: «мигрант», «приезжий», «переселенец» и другим.

Всего удалось найти 548 текстов. С помощью количественного контент-анализа в них были выделены следующие категории: «пространство, в котором упоминается мигрант»; «действие, совершаемое мигрантом»; «социальная ситуация-контекст упоминания миграции»; «наименование мигранта»; «акторы, присутствующие в тексте, помимо мигранта»; «коннотация образа мигранта»; «действие, совершаемое по отношению к мигранту». Далее использовался дискурс-анализ в интерпретации Э. Лакло и Ш. Муфф [Narwaya 2021]: тексты, составляющие выделенные категории, рассматривались как части «цепочек эквивалентности», наделяющие смыслом узловой знак «мигрант». В качестве единицы анализа рассматривалось одно законченное высказывание.

Теоретической рамкой исследования стал конструкционалистский подход к анализу социальных проблем в его «мягкой» интерпретации [Spector, Kitsuse 1999; Ясавеев 2010]. Социальная проблема рассматривается не как «объективное состояние, снабженное изначально некими патогенными качествами» [Blumer 1971: 298], а как результат публичной конвенции, коллективного определения ситуации как проблемной с помощью тех или иных риторических идиом — опасности, стихийного бедствия, защиты непреходящей ценности и т.п. [Дьякова 2005]. В рамках этого подхода медиа рассматриваются как пространство производства социальных проблем, разделенное на условные «публичные арены» [Хилгартнер, Боск 2007], где разные группы конкурируют за присвоение статуса актуальной социальной проблемы той или иной практике и за право продвигать доступное им решение.

Ритуализированные «тексты власти» рассматриваются как одна из ключевых «публичных арен», на которой производится проблематизация миграции, а также функционируют механизмы удержания постоянного публичного внимания к ней, что не менее важно для властного дискурса [Богомягкова 2015: 114]. Поставленная нами цель представляется актуальной в контексте выдвинутой исследователями-конструкционалистами гипотезы о том, что именно государство, а вернее, входящие в его состав элитные группы являются ключевыми акторами, «производящими проблемы» и интегрирующими их в «повестку дня». Медиа в этом процессе являются скорее ретранслятором готовых конструктов [Kingdon 1984]. Иными словами, не проблема ищет своего решения, а готовое решение ищет или создает проблему, с помощью которой монополизировавшая его элитная группа может продемонстрировать свою эффективность [Грушин 1980].

Подозрительная интеграция: образ мигранта в региональных «текстах власти»

В большинстве текстов, попавших в наш массив, мигрант представлен как обезличенный, лишенный каких-либо характеристик человек. Для его обозначения преимущественно используются нейтральные термины (иностранец, иностранный гражданин, мигрант). Изредка встречается указание на пол (чаще мужчины, чем женщины) или возраст (в тех случаях, когда речь идет о детях). В целом же мигрант лишен каких-либо индивидуальных характеристик и определяется либо пространством, в которое погружен, либо действием, субъектом или объектом которого является.

Мигрант фигурирует в довольно обширном наборе пространств, начиная от районов края (Ачинский, Богучанский и Березовский), заканчивая конкретными районами Красноярска. Его помещают в вернакулярные районы (центр), административные городские районы (в основном периферийные) или же в город в целом («многоэтажки», «дворы», «практически каждый район»). Из массива можно выделить два административных района Красноярска, в которых мигранты помещаются чаще — Советский (примерно 8% кодированных сегментов) и Ленинский (около 2,6%)

Некоторые пространства связаны с традиционными для мигрантов «3D» (Dirty, Dangerous and Difficult) работами (рис. 1): теплицами, пилорамами и стройками (6%), рынками, ларьками, торговыми центрами (11%). Помимо этого, мигрант встречается в образовательных учреждениях (почти 9%), частном секторе (около 1%), общежитиях и гостиницах (около 1%).

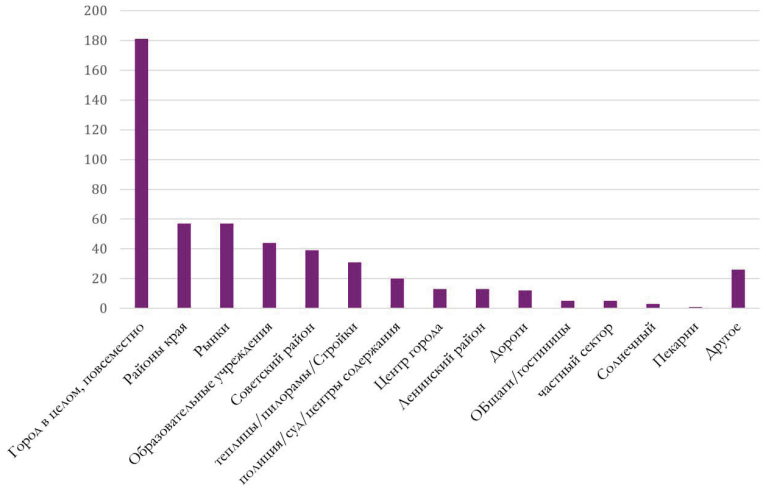

Рис. 1. Пространство, в котором в тексте присутствует мигрант
Fig. 1. The space in which the migrant is present

В большей степени мигранта характеризует социальная ситуация (рис. 2), в контексте которой он упоминается. Большинство (43%) кодированных сегментов соответствующей категории составляют «межнациональные» и «этнические» конфликты. Причем из 143 кодированных сегментов, отнесенных к этой группе, лишь 5 описывают реально произошедшие события (в основном — массовые драки[1]), остальные — «профилактику»[2] конфликтов, которые еще не случились).

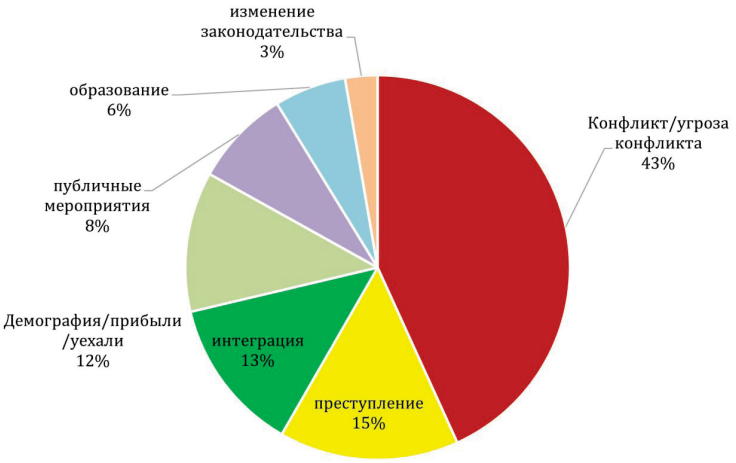

Рис. 2. Социальная ситуация/контекст упоминания миграции
Fig. 2. The social context of mentioning migration

Еще 15% кодированных сегментов касаются преступлений (преимущественно — нарушений режима пребывания в РФ). 13% составляют упоминания интеграционных процессов (поиск работы, оформление документов, «адаптация», сложности с легализацией). 12% кодированных сегментов описывают влияние мигрантов на демографию (прирост или убыль населения из-за эмиграции или иммиграции). В 8% случаев речь идет о публичных мероприятиях («сабантуй», «детские межнациональные праздники» и т.п.).

Самыми обширными категориями, формирующими контекст слова «мигрант», становятся действия, субъектом или объектом которых является приезжий. В категории «действия, совершаемые по отношению к мигранту» насчитывается 2154 (71,4%) кодированных

1 Рейд сотрудников полиции на рынке «Южный». *МВД РФ.* URL: https://24.мвд.рф/Press_sluzhba/сми-о-нас/item/30811530/

2 Полицейские провели рейд по выявлению нарушений миграционного законодательства. *МВД РФ.* https://красноярск.24.мвд.рф/news/item/15848592

сегмента, против 868 (28,6%) сегментов в категории «действия, совершенные мигрантом». В пространстве текстов власти мигранты проявляют субъектность, нарушая закон (62% кодированных сегментов (рис. 3). При этом насильственные преступления и кражи составляют незначительное меньшинство, остальные связаны с нарушением сроков пребывания в РФ, работой без патента, фиктивной регистрацией и т.д.). В 12% случаев мигранты работают (на вахте, на стройке, уборщицами), участвуют в общественных мероприятиях (в основном — «национальные» праздники) в 4% упоминаний, в 3% успешно интегрируются и еще в 3% успешно преодолевают институциональные ограничения (получают паспорта, сертификаты, сдают экзамены).

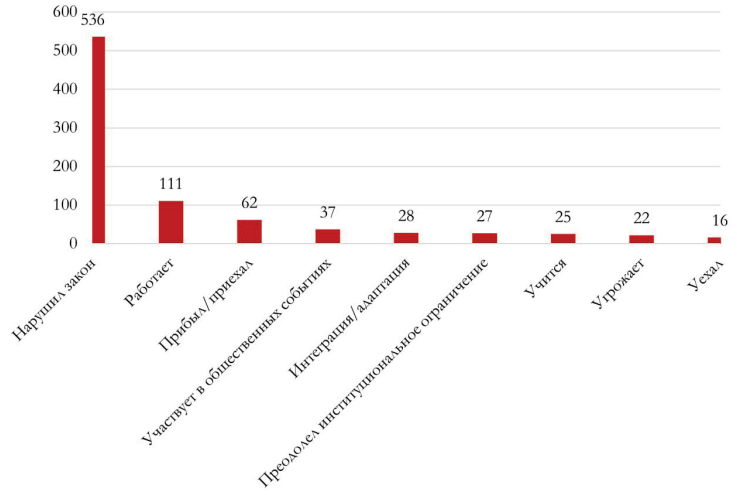

Рис. 3. Действие, которое совершил мигрант
FIg. 3. Action made by migrant

Объектом социального действия мигрант становится в тех случаях, когда он вызывает подозрения, а контролирующий орган организует в его отношении «проверку»[1], «рейд»[2] или «задержание»[3] (рис. 4). Описания проверок, наказаний, профилактик составляют больше 60% категории «действия, совершенные по отношению

1 Полицейские проверили соблюдение миграционного законодательства на территории торговых комплексов в Ленинском районе Красноярска. *МВД РФ.* URL: https://красноярск.24.мвд.рф/news/item/31288129

2 Полицейские краевого центра провели проверку соблюдения миграционного законодательства на рынке в Ленинском районе. *МВД РФ.* URL: https://24.мвд.рф/news/item/30998970/

3 На Таймыре полицейские задержали нелегальных мигрантов. *МВД РФ.* URL: https://таймырский.24.мвд.рф/news/item/18244857

к мигранту». 16% касаются знакомства или общения с мигрантом, 8% — оказания ему помощи, 3% — обучения. Самой малочисленной категорией оказывается «исследование»[1] — меньше 1%.

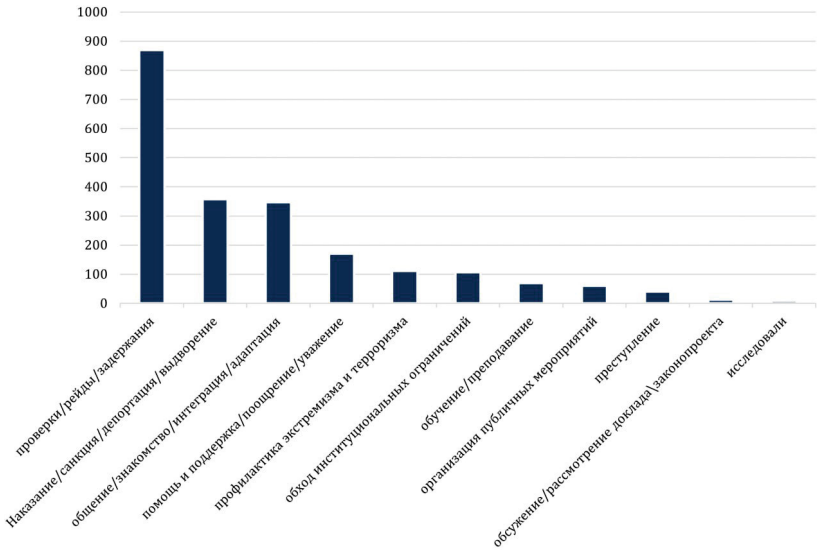

Рис. 4. Действие по отношению к мигранту
Fig. 4. Action in relation to migrant

В пространстве властного текста с мигрантами взаимодействует несколько акторов (рис. 5): силовые структуры, общественные организации, городские органы власти, образовательные организации и «местные жители». Силовые структуры — прежде всего МВД — составляют подавляющее большинство соответствующих кодированных сегментов, их насчитывается 1211 (55,6%). Ближайшие к ним общественные организации, многочисленные НКА и НКО, общественные советы при МВД, насчитывают 361 кодированный сегмент (16,6%). В категорию «образовательные учреждения» попали преимущественно школы и библиотеки.

Чаще всего с мигрантами взаимодействуют не конкретные подразделения МВД, а обезличенные «полицейские», «полиция» или «стражи порядка». Реже ведомство представлено «Главным управлением» или районными отделами. С мигрантами может взаимодей-

1 Об утверждении муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Красноярске» на 2021 год и плановый период 2022–2023 годов. *Администрация города Красноярска.* Постановление 896 от 12.11.2020. URL: https://pravo-admkrsk.ru/Pages/detail.aspx?RecordID=33643

ствовать конкретный полицейский чин, обычно — на публичных мероприятиях с представителями «национальных» общественных организаций. Изредка с мигрантами взаимодействуют участковые, полицейские спецподразделения, ГИБДД. Помимо полиции упоминаются и другие силовики — прокуратура, ФСБ, прекратившая свое существование УФМС.

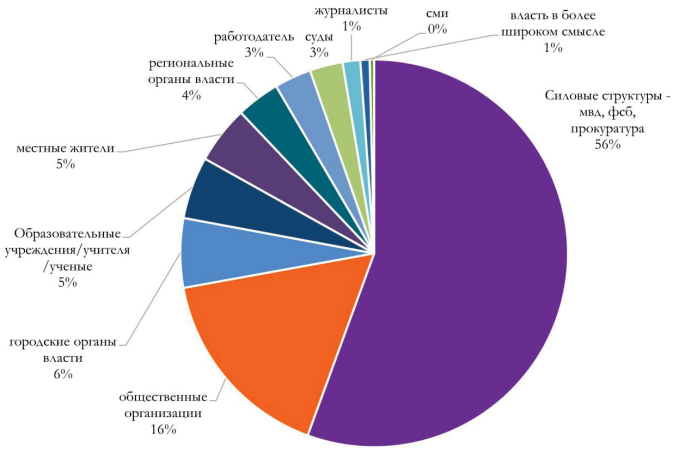

Рис. 5. Акторы помимо мигранта
Fig. 5. Actors besides migrant

Вторая по частоте группа — общественные организации — встречается преимущественно в текстах, создаваемых региональными и муниципальными органами власти. Это обезличенные «диаспоры», национально-культурные автономии (возможны варианты «национальные диаспоры» или «национальные автономии»)[1], от имени которых могут в отдельных случаях выступать «руководители». Сюда же относятся «общественники», «общественные советы»[2]. Незначительную часть составляют «центры социальной помощи» или «центры социальной адаптации».

1 Об утверждении муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Красноярске» на 2022 год и плановый период 2023 –2024 годов. *Администрация города Красноярска*. Постановление 881 от 11 ноября 2021 г. URL: https://budget.admkrsk.ru/ctp/docs/Постановление%20от%2011.11.2021_№881%20(конфессия).pdf

2 Депутаты нацелены на создание грамотной миграционной политики. *Единая Россия.* URL: https://krasnoyarsk.er.ru/activity/news/deputaty-naceleny-na-sozdanie-gramotnoj-migracionnoj-politiki

«Национальные» общественные организации упоминаются, как и собственно мигранты, в связи с угрозой «национальных» конфликтов или «экстремизма». В сообщениях гражданских ведомств «Национальные» общественные организации представлены в следующем контексте: орган государственной власти делегирует «общественникам» обязанность контролировать «подотчетную» национальность в обмен на возможность «демонстрировать самобытность»[1]. Муниципальные и полицейские чиновники помогают НКО проводить мероприятия — фестивали, конкурсы и концерты — нацеленные на демонстрацию «свойственных» национальной группе культурных различий. Также главам НКО предлагается административный ресурс: должности в общественных советах, удостоверения помощников депутатов и так далее. Взамен от них требуют обеспечить лояльность «возглавляемой» национальной группы.

Действия, которые совершают общественники, сводятся в основном к участию или организации мероприятий, направленных на «укрепление национального единства» и «профилактику розни»[2]. Если же о «диаспоре» пишет МВД, контекстом, как правило, является «официальная встреча» полицейских чинов с чинами диаспоральными, на которой первые призывают последних совместно избегать «национальных» конфликтов[3].

Далее следуют городские органы власти и местные жители. Муниципалитет, представленный руководителями ведомств, депутатами, отдельными чиновниками, выступает инициатором мероприятий, направленных либо на купирование подразумеваемой на уровне универсальной пресуппозиции угрозы «терроризма и экстремизма», либо на «укрепление межнационального единства»[4]. Муниципальные чиновники часто фигурируют в нормативных документах, в которых запрашиваются средства на проведение

1 Реализация партийного проекта «Национальное содружество» в Красноярском крае в 2013 году. *Единая Россия.* URL: https://krasnoyarsk.er.ru/activity/news/realizaciya-partijnogo-proekta-nacionalnoe-sodruzhestvo-v-krasnoyarskom-krae-v-2013-godu

2 «Об утверждении муниципальной программы “Развитие молодежной политики города Красноярска” на 2016 год и плановый период 2017–2018 годов». *Администрация города Красноярска.* Постановление 717 от 12.11.2015 (ред. от 23.09.2016). URL: https://budget.admkrsk.ru/ctp/docs/Постановление_№717_от_12.11.2015(молод).pdf

3 Полицейские и общественники обсудили проблемы социальной адаптации трудовых мигрантов. *МВД РФ.* URL: https://24.мвд.рф/news/item/14049189

4 Об утверждении муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Красноярске» от 12.11.2020.

таких мероприятий, причем профилактика конфликтов является их главным обоснованием.

Можно увидеть, что большинство «текстов власти» производится полицией и муниципалитетом. Мигранты в них представлены как носители проблемы, которая в основном заключается в нарушении установленных государством институциональных барьеров и ограничений. В группу носителей проблемы, помимо мигрантов, попадают и местные жители, не принадлежащие к государственным и общественным организациям. Это происходит в тех случаях, когда они пытаются присвоить часть ренты, взимаемой государством с мигрантов, в обмен на возможность работать без патента, покупать фиктивную прописку.

Также местные жители (граждане, красноярцы, «коренная молодежь» и т.д.) могут становиться жертвами совершенных мигрантами преступлений или же исходящего от них «дурного влияния». Преступления, совершенные местными жителями в отношении мигрантов, почти не упоминаются. Местные жители упоминаются и как участники публичных мероприятий, направленных на «профилактику экстремизма и межнациональных конфликтов». В отдельную группу кодированных сегментов мы вынесли «работодателей», которые также упоминаются преимущественно как правонарушители, помогающие мигрантам обходить институциональные барьеры[1].

Экстремизм, рейд и сабантуй: страх и манифестация инаковости как основы региональной миграционной политики

Характер угрозы, с которой связывают мигрантов авторы текстов власти, несколько разнится в сообщениях, транслируемых разными ведомствами. МВД видит ее в том, что мигранты «оказывают влияние на оперативную обстановку», совершая преступления. Причем потенциально количество преступлений всегда может измениться в большую сторону, однако благодаря действиям ведомства оно постоянно снижается:

> *«В целом миграционная ситуация в нашем регионе стабильная и контролируемая. Комплекс проведенных во взаимодействии со всеми заинтересованными ведомствами и службами профилактических мер, который в дальнейшем*

1 Полицейские в ходе рейда задержали 34 нелегальных мигранта в Красноярске. *МВД РФ.* URL: https://24.мвд.рф/news/item/2276161/

будет иметь только наступательный характер, способствовал снижению уровня преступлений»[1].

Представляется, что именно МВД является основным поставщиком образа мигранта как подозреваемого и преступника. Отчеты о количестве проведенных рейдов и «обезвреженных» в их ходе мигрантов регулярно публикуются пресс-службами регионального главка и районными отделами. Антимиграционный рейд становится одновременно основным инструментом проводимой МВД миграционной политики и наглядным подтверждением опасности, которую представляет приезжий.

Опасность легитимирует силовые акции, практический смысл которых заключается в извлечении из мигрантов разного рода полезных ресурсов. Из года в год МВД проводит экстрактивные мероприятия в одних и тех же городских пространствах — рынках, общежитиях, стройках, «обнаруживая» там новых нарушителей. Государству эти меры приносят доход в виде штрафов, МВД — в виде статистической отчетности:

«*С начала текущего года проведено* ***свыше 2 тысяч рейдовых мероприятий****, к административной ответственности* привлечено ***более 1,5 тысячи правонарушителей****, выдворены или депортированы за пределы Российской Федерации 147 лиц, 369 — закрыт въезд в нашу страну»*[2].

Учитывая дату публикации пресс-релиза (3 мая 2023 года), можно заключить, что за первые 4 месяца года больше тысячи мигрантов заплатили в казну штрафы от двух тысяч рублей(такой штраф является наиболее распространенным наказанием за нарушение режима пребывания), четверть при этом депортировали. Практический смысл мероприятий заключается, предположительно, в извлечении из мигрантов ренты. Смысл отчетов, которые пишутся по их результатам, — в том, чтобы продемонстрировать публике контроль над ситуацией. И мероприятия, и отчеты воспроизводятся по одинаковой схеме, в одних и тех же местах и с одним и тем же результатом. И действие, и результат настолько предсказуемы, что полиция иногда, проводя рейды, организует нечто вроде сафари для местных журналистов:

«*Член общественного совета при ОМВД ххх и журналист ххх приняли участие в акции "Один день с участковым уполномоченным полиции" и побы-*

1 Евгений Михайлович Карпушкин. *МВД РФ.* URL: https://24.мвд.рф/Prjamaja_rech/item/37916410/

2 В Управлении по вопросам миграции рассказали о контроле за миграционными потоками в регионе. *МВД РФ.* URL: https://24.мвд.рф/news/item/37804534/

вали в рейдовых мероприятиях по профилактике нарушения миграционного законодательства вместе с сотрудниками участковой службы.

<...>

В ходе проведения рейда правоохранители и участники акции проехали в деревообрабатывающий цех, в котором несколько недель назад правоохранители обнаружили жилую комнату, где проживали нелегальные мигранты»[1].

«*Межмуниципальное управление МВД России по краю приглашает представителей СМИ получить незабываемый опыт службы в подразделениях и отделах полиции.*

Накануне Дня сотрудника органов внутренних дел 8 ноября в 13.00 пройдет акция "Журналист становится полицейским", во время которой "мастера пера и камеры" смогут самостоятельно изучить полицейские профессии и объективно взглянуть на нелегкие трудовые будни стражей порядка. <...> А кому-то даже повезет побывать в самом сердце полиции <...> и поучаствовать в рейде по выявлению незаконных мигрантов»[2].

Судя по всему, рейд используется не только как способ выявления «нарушителей», но и как инструмент управления: в одном из пресс-релизов полицейское начальство угрожает ужесточением рейдов работающим на рынке мигрантам в случае повторения там массовых драк.

В последний год к возбужденным административным делам и выдворениям в пресс-релизах добавилось еще одно число — количество врученных повесток[3]. Судя по всему, ведомство стало рассматривать людей, уже получивших российское гражданство и по факту не являющихся мигрантами, в числе законных целей «рейдов по соблюдению миграционного законодательства». Это может говорить о том, что мигрант в представлении ведомства — не правовой статус, а примордиальная характеристика, сохраняющаяся и после того, как он становится гражданином РФ.

Можно предположить, что рейд и последующие уголовные и административные дела являются единственным доступным МВД

1 Общественники и журналисты Зеленогорска присоединились к акции «Один день с участковым уполномоченным полиции». *МВД РФ.* URL: https://24.мвд.рф/gumvd/obshestvenniy_sovet/os_p/item/6691047

2 Межмуниципальное управление МВД России «Красноярское» приглашает журналистов пополнить ряды полиции. *МВД РФ.* URL: http://krasnoyarsk.regi0n.ru/events/detail/311416

3 В ходе рейда по соблюдению миграционного законодательства полицейские Красноярского края выявили 21 гражданина, не состоящего на учете в военном комиссариате. *МВД РФ.* URL: https://24.мвд.рф/news/item/41298873

инструментом управления миграционными процессами. Как было сказано в одном из пресс-релизов, «*наиболее эффективным способом противодействия незаконной миграции и фиктивной постановкой иностранных граждан на миграционный учет является возбуждение уголовных дел*». В другом пресс-релизе «рейд» даже называют способом помочь мигрантам интегрироваться в город:

> «*Чтобы помочь вновь прибывшим гражданам других государств адаптироваться в нашем городе, подсказать, какие нужны документы для получения патента, а также проверить условия их проживания, в Ленинском районе регулярно проходят рейды*»[1].

Понятие «рейд», которое также можно отнести к милитарной риторике, применяется МВД, помимо мигрантов, по отношению к нетрезвым водителям, садовым товариществам, пешеходам и пляжам и многим другим пространствам и практикам. При этом содержание пресс-релизов мало меняется в зависимости от того, что именно становится объектом рейда — рынок или точки по торговле контрафактным алкоголем в «частном секторе».

Можно заключить, что в пространстве полицейских пресс-релизов проблематизация мигранта осуществляется за счет его ассоциирования с неявной, но нуждающейся в постоянном контроле со стороны силовых ведомств угрозой. Характер угрозы при этом, как правило, не проговаривается, как будто и самим сотрудникам пресс-службы, и их читателям он очевиден:

> «*В Красноярском крае установили 4119 правонарушений миграционного законодательства <...> МВД сообщает, что в связи с притоком мигрантов увеличена интенсивность профилактических мероприятий*»[2].

Несмотря на нейтральную тональность большинства рассмотренных текстов, мигранты в них представлены как группа, наделенная набором примордиальных характеристик, которые мало связаны с их юридическим статусом. Для МВД «мигрантом» остается человек, уже получивший российское гражданство, а в отдельных случаях даже его дети, которых уже с детского сада подозревают в «экстремизме»:

> «*Большое внимание в районе уделяется вопросам адаптации детей мигрантов в образовательных учреждениях. <...> В других школах и детсадах проходят*

1 «Повезло, что живу в Красноярске». *Городские Новости Красноярск.* URL: https://gornovosti.ru/news/61780/

2 В Красноярском крае установили 4119 правонарушений миграционного законодательства. *Городские Новости Красноярск.* URL: https://gornovosti.ru/news/95005/

особенные классные часы. На них сотрудники отделов полиции рассказывают об ответственности за проявления экстремизма, о последствиях этого явления, а также проводят работу по профилактике общественной безопасности»[1].

Выстраивая подобные цепочки эквивалентности, МВД наделяет узловой знак «мигрант» устойчивым значением «преступник», «подозреваемый», легальный объект применения насилия. В отдельных случаях перепечатывающие пресс-релиз журналисты усиливают выносимую в заголовок милитарную метафору:

«*Нелегалы атакуют Таймыр с берега*

Трое мужчин проплыли триста километров на моторной лодке по Енисею, чтобы устроиться на работу в Норильске»[2].

В несколько иных конфигурациях цепочки эквивалентности, в которых миграция связывается с угрозами терроризма, экстремизма и розни, встраиваются в тексты гражданских властей. Это отчеты о проведении публичных мероприятий, репортажи о встречах представителей диаспор с городскими чиновниками, обоснования бюджетных трат. В «текстах власти», создаваемых муниципалитетом, миграция также описывается как опасность, впрочем, имеющая скорее экзистенциальный характер. Здесь приезжие угрожают целому комплексу объектов, являющихся ключевыми для современной российской «политической религии» [Джентиле 2021] — молодежи, «традиционным русским ценностям» и стабильности:

«*Процессы глобализации в экономической, политической, культурной сферах, втягивающие население разных стран в миграционные потоки разного характера и уровня, приводят к усложнению структурных связей конкретных обществ и всего сообщества в целом. Вышеперечисленные факторы в определенной степени стимулируют напряженность в межнациональных отношениях, сопровождающуюся межэтническими конфликтами, начинают появляться различные оппозиционные группы, добивающиеся желаемого результата через экстремизм и терроризм. <...> Однако именно подрастающее поколение оказалось самой незащищенной в культурном отношении категорией населения, которая находится в своеобразном ценностном и духовном вакууме. Наблюдаются факты дезорганизации молодежи, подверженности ее влиянию экстремизма, разрушающего традиционные ценности русской национальной культуры, национальных культур других народов, тенденция роста неформальных молодежных групп и объединений, среди которых особую тревогу вызывают*

1 В Красноярске прошел рейд по выявлению нелегальных мигрантов. *Городские Новости Красноярск*. URL: https://gornovosti.ru/news/61764/

2 Нелегалы атакуют Таймыр с берега. *Городские Новости Красноярск.* URL: https://gornovosti.ru/news/70049/

> *молодежные неформальные объединения экстремистской направленности. Эти объединения способствуют формированию у молодых людей установок, отрицающих общекультурные ценности и традиции»*[1].

Миграция включается в цепочку эквивалентности сразу с несколькими определяющими ее понятиями-триггерами разного рода стереотипов и страхов. Прежде всего, это «национальность», «конфликт» и «избегание» — конфигурация, нередко фигурирующая в риторике российских официальных лиц[2]. Угроза объявляется контролируемым следствием неконтролируемых, естественных, глобальных процессов. Она не может быть устранена полностью, так как ее источник находится за пределами досягаемости, но может «сдерживаться». Под эту цель заинтересованные ведомства и запрашивают финансирование.

В других текстах за авторством муниципальных пресс-служб угроза несколько конкретизируется, сводясь к набору примордиальных характеристик мигранта. К ним относятся предполагаемое по умолчанию неумение жить в городской среде, отсутствие или несоответствие «сложившейся системе ценностей»:

> «*В условиях вновь прибывающих в город Красноярск мигрантов и постоянно падающего социально-экономического положения семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, социально опасном положении, возникает острая необходимость вовлечения новой категории молодежи в позитивные социальные практики. <...>*
>
> *В настоящее время "коренное" молодое население со сложившейся системой ценностей вступает в конфликт с "приезжающей" молодежью, не имеющей навыков проживания в городских условиях и опыта поведения в культурной городской среде»*[3].

Если ключевым инструментом миграционной политики МВД становятся «рейд» и «проверка», то в текстах гражданских властей —

1 Об утверждении муниципальной программы «Развитие образования в городе Красноярске» на 2014 год и плановый период 2015–2016 годов. *Администрация города Красноярска.* Постановление 648 от 12 ноября 2013 г. (в ред. Постановлений администрации г. Красноярска от 17.02.2014 № 68, от 24.03.2014 № 164). URL: https://budget.admkrsk.ru/ctp/docs/№648%20от%2012.11.2013.pdf

2 Путин заявил о недопустимости межнациональных конфликтов. *Известия.* URL: https://iz.ru/1144638/video/putin-zaiavil-o-nedopustimosti-mezhnatcionalnykh-konfliktov

3 Об утверждении муниципальной программы «Развитие молодежной политики города Красноярска» на 2014 год и плановый период 2015–2016 годов. *Администрация города Красноярска.* Постановление 640 от 12.11.2013 (в ред. Постановлений администрации г. Красноярска от 24.03.2014 № 160, от 22.05.2014 № 299). URL: https://budget.admkrsk.ru/ctp/docs/№640%20от%2012.11.2013.pdf

культурные мероприятия, организованные совместно с главами разного рода НКО. Именно это решение муниципальные органы власти пытаются «продать» государству и обществу. «Миграция» рассматривается как отражение «вертикали власти» российского государства, где «национальные» мигранты подчиняются представляющим их главам диаспор.

Гражданские ведомства предстают в роли посредника между «государством» как источником легитимации разнообразных проектов идентичности и «диаспорами» как контролирующими миграцию акторами [Дятлов, Нам 2020]. «Диаспора» обещает контролировать мигрантов и заниматься «профилактикой экстремизма», чиновники, со своей стороны, предоставляют возможность для манифестации отличий:

> «*Национально-культурные автономии должны быть заинтересованы как в сохранении и предъявлении культурной самобытности своих народов, так и в продвижении понимания того, что представители разных народов должны являться органичной составляющей нашего общего дома — многонационального российского государства. Очень важно сбалансировать решение данных задач*»[1].

В текстах гражданских ведомств миграция проблематизируется, помещаясь в «национальный» и «традиционно-ценностный» контексты, причем «миграция», «национальное» и «проблема» становятся синонимами. Миграция превращается в угрозу трансцендентным основаниям политической религии, что должно простимулировать государство выделять ресурсы тем, кто знает, как ее контролировать.

Подобное видение миграции может быть отголоском ранней советской национальной политики, в которой «диаспоральные» группы расценивались как потенциальный враг [Хирш 2022]. Собственно национальность рассматривалась как высший объект лояльности и детерминанта человеческого поведения. В рамках подобной примордиалистской оптики человек, покинув пределы «родного» национального государства, несет в себе его элемент, который в дальнейшем определяет его поступки.

Заключение

Основными производителями официального нарратива о миграции на региональном уровне становятся МВД и муниципальные органы власти. И те, и другие используют одну и ту же стратегию

1 Об утверждении муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Красноярске» на 2022 год и плановый период 2023–2024 годов. *Администрация города Красноярска.*

проблематизации миграции, представляя приезжих как группу-носитель проблемы. Она заключается, во-первых, в нарушении устоявшегося морального порядка («традиционные нравственные ценности»), во-вторых, в угрозе распространения насилия (преступления, терроризм и экстремизм).

В текстах силовиков мигранты представлены одновременно как угроза и ресурс, основа экстрактивной экономики. Столь часто упоминаемый рейд становится инструментом извлечения денег в государственную казну и улучшения показателей ведомственной эффективности. Имеющийся в распоряжении МВД инструмент извлечения — насилие — требует постоянной самоактуализации, которой и становится подозрительность приезжего, его влияние на «оперативную обстановку» и «традиционные ценности».

Силовые акции, составляющие самую масштабную группу кодированных сегментов, преподносятся как эффективный способ держать проблему под контролем (вспомним фразу о том, что лучшим способом борьбы с нелегальной миграцией является возбуждение уголовных дел). Низкий уровень преступности в «мигрантской» среде объявляется при этом достижением МВД.

Гипотетически после перехода миграционных процессов в ведение МВД последнее просто перенесло на новую проблему старые, хорошо знакомые решения и языки описания. Миграция, наряду с другими социальными проблемами, стала «ресурсом управления, спекулируя на внимании к которому можно в современных условиях накопить приличный политический капитал» [Смирнова 2000: 212].

Силовые акции можно проинтерпретировать и как ответ на неинтегрированность мигранта, которую ведомство рассматривает как еще одну его неотъемлемую характеристику. Для полиции приезжий всегда находится по ту сторону «нормальности», даже после того, как он получает российский паспорт, что и становится оправданием силовых интервенций.

Альтернативный ответ предлагают гражданские ведомства. Он заключается в том, чтобы дать возможность приезжему, как представителю «инородного», маркированного как «национальное», коллективного тела, манифестировать отличия в обмен на лояльность местной власти. Однако и этот вариант опирается на восприятие мигранта как источник угрозы и объект подозрений.

Переходящие из текста в текст подозрения помогают поддерживать страх аудитории перед мигрантами и оправдывать силовые акции как эффективный ответ на него. В результате миграция секьюритизируется [Малахов 2013; Ibrahim 2005; Сарайкина 2021], прочно связываясь в повестке дня с угрозой неконтролируемого насилия и неопределенности. Это представляет решения, предлагаемые

монополизировавшими проблему ведомствами, как оправданные и необходимые [Дуткевич, Казаринова 2017].

Другой возможной причиной частых ассоциаций между миграцией и преступлениями в пресс-релизах может быть то, что соответствующие заголовки являются наиболее кликабельными. Пресс-службам приходится акцентироваться именно на этой теме, если они хотят, чтобы ритуальные тексты, демонстрирующие эффективность министерства, были востребованы:

> «Проблема преступности неизменно драматична, она всегда обладает элементами неожиданности и новизны, ее представление средствами массовой коммуникации держит в напряжении зрителей и читателей, вызывая их живую реакцию. Кроме того, события в этой сфере происходят регулярно: в крупном городе каждые сутки регистрируется от нескольких десятков до нескольких сотен преступлений. Таким образом, в распоряжении журналистов находится непрерывный поток информационных поводов» [Ясавеев 2004: 90].

Возникающий в результате «круговорот образа» можно назвать очередным подтверждением «теоремы Томаса» [Мертон 2006: 41]. Ведомство следует за общественным мнением, боящимся мигранта и охотно воспринимающим все новые тексты о совершенных им преступлениях. Общество с готовностью воспринимает информацию о миграции, исходящую от авторитетного источника, только подкрепляющую его страхи, и круг замыкается. Гражданские ведомства используют похожий инструмент, чтобы «продавать» другой алгоритм взаимодействия с проблемой — культурные мероприятия с участием НКО.

Предположительно, в «текстах власти» мы наблюдаем два параллельных процесса проблематизации миграции, имеющие разных адресатов. Первый — принимающее сообщество, второй — собственно государство. Для первого конструируется угроза совершения мигрантами неконвенциональных действий. Для государства конструируется угроза негативного воздействия мигранта на сакральные основы «политической религии» и попытки избежать экстрактивных акций. Рейды и культурные мероприятия «продаются» как способ справиться со всеми этими опасностями.

Авторы текстов не считают необходимым пояснять, как именно связаны мигранты и экстремизм, почему миграционные потоки могут иметь конфликтный потенциал и как они связаны с «национальным вопросом». Эффективность предлагаемых решений также никак не обосновывается. Возможно, авторы исходят из того, что и проблемы, и решения очевидны как для них самих, так и для читателей. Гипотетически и сама проблема, и алгоритмы решения были сформулированы задолго до появления артикулированных

позиций ведомств в Сети, что позволяет поставить вопрос об источниках этих представлений.

Спецификой рассмотренных «текстов власти» является и то, что в них практически ничего не говорится о проблемах и интересах самих мигрантов. В редких исключениях желаниями мигранта становятся преступления, поиск работы и демонстрация отличий. Единственной проблемой — незнание русского языка. Практически не описывается структурный и социальный аспекты интеграции и связанные с ними проблемы. Это может свидетельствовать о том, что контролирующие миграцию ведомства либо ничего о них не знают, либо игнорируют.

Библиография / References

Аблажей Н. Н. (2012) Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*, 11 (6): 17–23. EDN: OZEJVB

— Ablazhey N. N. (2012) The image of a work immigrant in the press and mass thinking of Russians. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 11 (6): 17–23. — in Russ.

Авдонин В. С. (2023) Дискурс и легитимность: к функциональной трактовке дискурсивных аспектов политической легитимации. *Политическая наука*, 3: 38–59. EDN: SBJGVA https://doi.org/10.31249/poln/2023.03.02

— Avdonin V. S. (2023) Discourse and Legitimacy: to a functional interpretation of discursive aspects of political legitimization. *Political Science*, 3: 38–59. — in Russ.

Аршин К. В. (2021) Эволюция образа мигранта в Российской Федерации в XXI в. (на материалах всероссийских социологических опросов). *Общество: политика, экономика, право*, 12: 34–37. EDN: OUXSTA. https://doi.org/10.24158/pep.2021.12.4

— Arshin K. V. (2021) The evolution of an image of migrant in the Russian Federation in the 21st century (based on the materials of the All-Russian opinion polls). *Society: Politics, Economics, Law*, 12: 34–37. — in Russ. https://doi.org/10.24158/pep.2021.12.4

Баранова Т. В. и др. (2021) Миграция в дискурсе избирательной кампании 2013 г.: популизм или идеологическая трансформация? *Власть*, 29 (5): 84–94. EDN: AACTGT. https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8539

— Baranova T. V. et al. (2021) Migration in the discourse of the 2013 election campaign: populism or ideological transformation? *Vlast'*, 29 (5): 84–94. — in Russ. https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8539

Богомягкова Е. С. (2015) Социальные проблемы как дискурс: производство новых форм неравенства. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, 4: 112–117. EDN: VJHXAJ

— Bogomiagkova E. S. (2015) Social problems as a discourse: production of new forms of social inequality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12 Psychology. Sociology. Education*, 4: 112–117. — in Russ.

Варганова О. Ф. (2015) Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ (по результатам контент-анализа). *Социологическая наука и социальная практика*, 3 (11): 81–93. EDN: UHWOUV

— Varganova O. F. (2015) : The Image of Migrant Workers in Federal and Regional Mass Media

(Results of Content Analysis). *The journal Sociological Science and Social Practice*, 3 (11): 81–93. — in Russ.

Великая Н. *М.* (2020) Миграция и мигранты в публичном дискурсе современной России. *II Всероссийский демографический форум с международным участием: материалы форума:* 166–168. EDN: NJIIJO. https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.02

— Velikaya N. M. (2020) Migration and migrants in the public discourse of modern Russia. *II All-Russian Demographic Forum with international participation: forum materials:* 166–168. — in Russ. https://doi.org/10.25629/HC.2020.13.02

Киосе М. И. (2016) Водак Р. Политический дискурс в действии: политика без прикрас. *Политическая наука*, 3: 260-275. EDN: XCGBQV

— Kiose M. I. (2016) Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual. *Political Science*, 3: 260-275. — in Russ.

Волков Ю. Г., Курбатов В. И. (2023) Форматы конструирования образа мигранта в современном российском медийном дискурсе. *Социально-гуманитарные знания*, 7: 47-52. EDN: XYMWID. https://doi.org/10.34823/SGZ.2023.7.62018

— Volkov Y. G., Kurbatov V. I. (2023) Formats for constructing the image of a migrant in modern Russian media discourse. *Social and humanitarian knowledge*, 7. — in Russ.

Грушин Б. А. и др. (1980) *Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования*, М. – 446 с.

— Grushin B. A. et al. (1980) *Mass information in the Soviet industrial city:* : *The Experience of Comprehensive Sociological Study.* M. — in Russ.

Григорьева К. С. (2021) Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24 (3): 58–85. EDN: TLFTBE. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.4

— Grigoryeva K. S. (2021) Migrants as “persons susceptible to the ideology of terrorism”. institutional analysis of the russian migration securitization case. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii (The journal of sociology and social anthropology)*, 24 (3): 58–85. — in Russ. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.4

Бхавна Д. (2013) Дискуссия о статусе мигрантов и законности в России в глобальном дискурсе управления миграцией. *Известия Иркутского государственного университета». Серия «Политология. Религиоведение»*, 2 (11), ч.2: 103–114. EDN: RTPHAB

— Bhavna B. (2013) Debating Migrant Status and Legality in Russia within a Global Discourse on Migration Management. *The Bulletin of Irkutsk State University». Series «Political Science and Religion Studies»*, 2 (11), part 2: 103–114. — in Russ.

Дейк ван Т. (2013) *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.

— Dijk van T. (2013) *Discourse and power: Contributions to critical discourse studies.* М.: Librocom. — in Russ.

Джентиле Э. (2021) *Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом*, пер. с итал. Ф. Станжевского СПб.: Владимир Даль. EDN: VOCNUQ

— Gentile E. (2021) Le religioni della politica: fra democrazie e totalitarismi [The religions of politics: Between democracies and totalitarianisms], St. Petersburg: Vladimir Dahl. — in Russ.

Довбыш О. С. (2015) Специфика взаимодействия СМИ и властей в российских регионах. *Журналистский ежегодник*, 4: 157–161. EDN: VPIOJH. https://doi.org/10.17223/23062096/4/38

— Dovbysh O. S. (2015) Peculiarities of relationships between mass media and the state in Russian regions. *Journalistic Yearbook*, 4: 157–161. — in Russ. https://doi.org/10.17223/23062096/4/38

Дуглас М. (2000)*: Анализ представлений об осквернении и табу*, Пер. с англ. Р. Громовой, С. Баньковской. М: Канон-Пресс-Ц.

— Douglas M. (2000) *Purity and danger: An analysis of the concepts of pollution and taboo*, M: Canon-Press-TS. — in Russ.

Дуткевич П., Казаринова Д. Б. (2017) Страх как политика. *Полис. Политические исследования*, 4: 8–21. EDN: ZBGHMX. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.02

— Dutkiewicz P., Kazarinova D. B. (2017) Fear as politics. *Polis. Political Studies*, 4: 8–21. — in Russ. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.02

Дьякова Е. Г. (2005) Конструирование и легитимация социальных проблем в процессе установления повестки дня. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 6: 188–211. EDN: HYRFGP

— Diakova E. G. (2005) The construction and legitimization of social problems in the process of setting the agenda. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 6: 188–211. — in Russ.

Дятлов В. И. (2000) Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России. *Вестник Евразии*, 1: 63–89. EDN: HYZEHH

— Dyatlov V. I. (2000) Migration of the Chinese and the discussion about the "yellow danger" in pre-revolutionary Russia. *Acta Eurasica*, 1: 63–89. — in Russ.

Дятлов В. И. (2010) Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики).*, 3-4 (58-59): 121–149. EDN: SZWEEB. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-121-149

— Dyatlov V. I. (2010) Cross-border migrants in modern Russia: dynamics of Forming Stereotypes. *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics. Politeia*, 3-4 (58-59): 121–149. — in Russ. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-5859-3-121-149

Дятлов В. И. (2014) Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России. *Идеи и идеалы*, 2(20): 23–41. EDN: SMFSID

— Dyatlov V. I. (2014) Exotization and "the enemy image": the syndrome of "yellow peril" in pre-revolutionary Russia. *Ideas and Ideals*, (2): 23–41. — in Russ.

Дятлов В. И., Нам И. В. (2020) Национально-культурные организации в современном сибирском городе: проблема этнического представительства. *Идеи и идеалы*, 12(4-2).: 473–491. EDN: VUPDQV. https://doi.org/1010.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491.

— Dyatlov V. I., Nam I. V. (2020) National and cultural organizations in a modern Siberian city: the problem of ethnic representation. *Ideas and Ideals*, 12(4-2): 473–491. — in Russ. https://doi.org/1010.17212/2075-0862-2020-12.4.2-473-491.

Зверева Н. (2014) Дискурсы о мигрантах в современной российской прессе: стратегии борьбы за значение. *Новое литературное обозрение*, 4(128): 88–96. EDN: UFESWF

— Zvereva N. (2014) Discourses about migrants in the modern Russian press: strategies for the struggle for meaning. *New Literary Review*, (4): 88–96. — in Russ.

Зиммель Г. (2008) *Экскурс о чужаке*, 7–13.

— Zimmel G. (2008) *The stranger*, 7–13. — in Russ.

Ивлева И., Тавровский А. (2019) Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа. *Этнографическое обозрение*, 1: 149–165. EDN: ZADZQT. https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4

— Ivleva I., Tavrovsky A. (2019) The representation of labour migrants in the russian media. *Ethnographic Review*, 1: 149–165. — in Russ. https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4

Ласвелл Г. (2006) Язык власти. *Политическая лингвистика*, 20: 264–279.

— Laswell G. (2006) The language of Power. *Political Linguistics*, 20: 264–279. — in Russ.

Мукомель В. И. (2012) Миграция и миграционная политика в российских массмедиа. *Migration Policy Centre; CARIM-East; Explanatory Notes:* 1–10.

— Mukomel V. I. (2012) Migration and migration policy in the Russian mass media. *Migration Policy Centre; CARIM-East; Explanatory Notes:* 1–10. — in Russ.

Мукомель В. И. (2005) Российские дискурсы о миграции. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 1 (75): 48–57. EDN HTMKLP.

— Mukomel V. I. (2005) Russian discourses on migration. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions*, (1): 48–57. — in Russ.

Малахов В. (2013) Техника безопасности. Политика страха как инструмент управления. *Отечественные записки*, 2 (53): 150-163. EDN QIVLKN.

— Malakhov V. (2013) Security technique: policy of fear as a management tool. *Otechestvennie zapiski*, (2): 150-163. — in Russ.

Мертон Р. К. (2006) *Социальная теория и социальная структура*, М.: АСТ, Хранитель. 873 с.

— Merton R. K. *Social Theory And Social Structure*, M.: AST, Hranitel. 873 p. — in Russ.

Нам И. В., Карагеоргий Е. М., Ермолова А. И., Никитина Е. В. (2017) Конструирование образа трудового мигранта (на примере Томска). *Сибирские исторические исследования*, 1: 166–192. EDN: ZRETBX. https://doi.org/10.17223/2312461X/15/11

— Nam I. V., Karageorgiy E. M., Ivanova A. I., Nikitina E. V. (2017) The image of labour migrants constructed by the mass media: the case of Tomsk. *Siberian Historical Studies*, 1: 166–192. — in Russ. https://doi.org/10.17223/2312461X/15/11

Панкеев И. А., Тимофеев А. А. (2020) Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект. *Вопросы теории и практики журналистики*, 9 (2): 231–246. EDN PWEBXD. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(2).231-246.

— Pankeev I. A., Timofeev I. A. (2020) Trends in state regulation of Russian mass media: a legal aspect. *Questions of theory and practice of journalism*, 9): 231–246. — in Russ. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2020.9(2).231-246.

Сарайкина Я. И. (2021) Дискурс секьюритизации миграции во Франции: от республиканской интеграции к алармизму. *Современная Европа*, 7 (107): 133–142. EDN: WFGFME. https://doi.org/10.15211/soveurope72021125134

— Saraikina Y. I. (2021) The discourse of securitization of migration in France: from Republican integration to alarmism. *Modern Europe*, (7): 133–142. — in Russ.

Смирнова Н. (2000) Паника или Знание? Конструирование проблемы роста потребления наркотиков среди подростков и молодежи в местной прессе. *Научно-исследовательский центр «Регион»:* 212–213.

— Smirnova N. (2000) Panic or Knowledge? Constructing the problem of increasing drug use among adolescents and young people in the local press. *Research Center "Region":* 212–213. — in Russ.

Хилгартнер С., Боск Ч. Л. (2007) *Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия.*

— Hilgartner S., Bosk C. L. (2007) *The growth and decline of social problems: the concept of public arenas. Mass communication media and social problems: A Textbook*. — in Russ.

Хирш Ф. (2022) *Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза,* М.: Новое литературное обозрение.

—Hirsch F. (2022) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Formation of the Soviet Union.* Moscow: A New Literary Review. — in Russ.

Эллюль Ж. (2023) *Феномен пропаганды*, Алетейя.

— Ellul J. (2023) *The phenomenon of propaganda*, Alethea. — in Russ.

Ясавеев И. Г. (2004) *Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации*, Изд-во Казанск. ун-та. EDN: QODOWP

— Yasaveev I. G. (2004) *Constructing social problems by means of mass communication*, Publishing house of Kazan University. — in Russ.

Ясавеев И. (2010) *Социальные проблемы и медиа. Конструкционистское прочтение* / LAP Lambert academic publishing Saarbrücken.

— Yasaveev I. (2010) *Social problems and media. Constructionist reading* / LAP Lambert academic publishing Saarbrücken. — in Russ.

Blumer H. (1971) Social problems as collective behavior. *Social problems*, 18(3): 298–306. https://doi.org/10.2307/799797

Bogdanov K. (2009) The rhetoric of ritual: The Soviet Sociolect in Ethnolinguistic Perspective. *Forum for anthropology and culture*, (5): 179–216.

Ibrahim M. (2005) The securitization of migration: A racial discourse. *International migration*, 43(5): 163–187. https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2005.00345.x

Kingdon J. W. (1984) *Agendas, Alternatives and Public Policies,* Boston, Toronto: Little, Brown and Company: 91.

McCombs E., Shaw D. (1972) The agenda-setting Function of mass media. *Public opinion quarterly*, 2 (36). https://doi.org/10.1086/267990

McCombs M. (2004) *Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion,* Cambridge: Polity Press.

Narwaya S. T.G. (2021) Discourse analysis in the perspective of Ernesto Laclau and Chantal Mouffe. *Journal Communication Spectrum: Capturing New Perspectives in Communication*, 11 (1): 1–11. http://dx.doi.org/10.36782/jcs.v1i1.2106

Spector M., Kitsuse J. (1987) *Constructing Social Problems*, Hawthorne, N. Y. Addison Wesley Pub Co.

Loseke D. R. (1999) *Thinking about social problems: an introduction to constructionist perspectives*, N. Y.: 81–93. https://doi.org/10.4324/9781315135601

Дмитрий О. Тимошкин — кандидат социологических наук, научный сотрудник Лаборатории исторической и политической демографии ИГУ; профессор кафедры информационных технологий в креативных и культурных индустриях гуманитарного института Сибирского федерального университета. Научные интересы: миграционные исследования, цифровая антропология, социология маргинальности. ORCID: 0000-0001-5478-0469. E-mail: dmtrtim@gmail.com

Настасья Н. Зборовицкая — младший научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Иркутск, магистрант университета ИТМО, Санкт-Петербург. Научные интересы: Визуальная антропология, цифровая антропология, миграционные исследования. E-mail: 369867@edu.itmo.ru

Регина Е. Хуснуллина — студентка 4-го курса кафедры культурологии и искусствоведения СФУ, Российская Федерация, Красноярск. Научные интересы: современная культурная идентичность, культурные коды, философская антропология, грамматология. E-mail: hisfu@mail.ru

Яна И. Саморядова — студентка 4-го курса кафедры культурологии и искусствоведения СФУ, Российская Федерация, Красноярск. Научные интересы: визуальная культура, музыкальные исследования, социология кино, семиотика культуры. E-mail: hisfu@mail.ru

Олеся Ю. Редько — студентка 4-го курса кафедры культурологии и искусствоведения СФУ, Российская Федерация, Красноярск. Научные интересы: социология культуры, структурная антропология, кросс-культурная психология. E-mail: hisfu@mail.ru

Ярослава А. Скроботова — студентка 4-го курса кафедры культурологии и искусствоведения СФУ, Российская Федерация, Красноярск. Научные интересы: визуальная культура, социология кино, семиотика культуры. E-mail: hisfu@mail.ru

Dmitry O. Timoshkin — Researcher at the Laboratory of Historical and Political Demography of the Irkutsk State University; Professor of the Department of Information Technologies in Creative and Cultural Industries, Institute of humanities, Siberian Federal University. Research interests: Migration studies, digital anthropology, sociology of marginality. ORCID: 0000-0001-5478-0469. E-mail: dmtrtim@gmail.com

Nastasia N. Zborovitskaia — Junior researcher at the Laboratory of Historical and Political Demography of the Irkutsk State University; master of ITMO University, St.Petersburg. Research interests: Visual anthropology, digital anthropology, migration studies. E-mail: 369867@edu.itmo.ru

Regina E. Husnullina — 4-year student of the Department of Cultural Studies and Art History of the Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk. Research interests: contemporary cultural identity, cultural codes, philosophical anthropology, grammatology. E-mail: hisfu@mail.ru

Yana I. Samoryadova — 4-year student of the Department of Cultural Studies and Art History of the Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk. Research interests: visual culture, music studies, sociology of film, semiotics of culture. E-mail: hisfu@mail.ru

Olesya Yu. Redko — 4-year student of the Department of Cultural Studies and Art History of the Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk. Research interests: sociology of culture, structural anthropology, cross-cultural psychology. E-mail: hisfu@mail.ru

Yaroslava A. Skorobotova — 4-year student of the Department of Cultural Studies and Art History of the Siberian Federal University, Russian Federation, Krasnoyarsk. Research interests: visual culture, sociology of film, semiotics of culture. E-mail: hisfu@mail.ru